Свидетельства и лжесвидетельства

За прошедшие десятилетия участники событий тех дней: Хрущев, Каганович, Микоян, Мухитдинов, Жуков опубликовали воспоминания. Одни подробно рассказывают о «расколе» 1957 года, другие – совсем чуть-чуть. К Хрущеву они тоже относятся очень по-разному, но все они «варились в одном котле», конфликтовали, объединялись, разъединялись, превращались в непримиримых врагов, таково их видение прошлого и тем оно ценно для нас, потомков.

К упомянутым выше воспоминаниям особняком примыкают мемуары Шепилова. Почему особняком? И почему примыкают? Так я их ощущаю. Мне они представляются не столько информативными, сколько дезинформирующими. Мне могут возразить: Шепилов, мягко говоря, нелестно отзываясь о Хрущеве, вот я и отказываю ему в доверии. Но и в воспоминаниях Кагановича глава о 1957 году целиком посвящена разоблачению «ошибочной» позиции отца в тот период и разоблачению отца в целом. Но это позиция Кагановича. Ее можно разделять или не разделять, автор имеет на это право, это его оценка, и на нее он нанизывает реальные факты, детали, которые больше нигде не найти. У Кагановича факты, на мой взгляд, соответствуют истине. По крайней мере, не противоречат тому, что я помню сам. Это очень важный критерий доверия или недоверия к автору.

Сравнивая «воспоминания» Шепилова с тем, чему я сам оказался свидетелем, я нахожу множество подтасовок и откровенной лжи. Я говорю не о политике, а о бытовых деталях. Но если он врет «здесь», то и его другие описания происходившего доверия не вызывают. Факты, приводимые в воспоминаниях Шепилова, сомнительны, но и их заслоняют эмоции и обиды. Естественно, проигравшему отцу Шепилову, как и его старшим соратникам, есть на что обижаться. Но врать-то зачем? Вот только один маленький пример. В доказательство своей тесной дружбы с отцом он пишет о частых посещениях нашей дачи. Хоть убей, я Шепилова не запомнил. Бывали у нас Микоян, Маленков, реже Булганин с Кагановичем, Жуков, Серов, даже Молотов. Запомнились мне заведующий отделом сельского хозяйства Бюро ЦК РСФСР Мыларшиков, авиаконструктор Туполев, маршалы Гречко и Малиновский, Брежнев, Игнатов, Фурцева, Гришин, перечисление можно продолжать, отец любил гостей, но не было среди них Шепилова. Не исключено, что раз или два, после заседаний Президиума ЦК, вкупе со всеми другими, часто весьма многочисленными участниками этих собраний, он по дороге домой и заезжал к нам на несколько минут, но не более того. И мы к Шепилову в гости не ездили, только однажды заехали на новоселье, уж очень он настаивал.

О служебных отношениях отца и Шепилова говорить не стану, я на их встречах в ЦК не присутствовал. Несомненно, что отец тянул Шепилова вверх, а тот изо всех сил тянулся за отцом, ставил на него, и так продолжалось до последнего момента. Но служба службой, а дружба дружбой. Вот дружбы у отца с Шепиловым не возникло, хотя последний, это следует из его мемуаров, набивался в друзья, как только мог.

Нет у меня веры и другим рассказам Шепилова, не касающимся Хрущева. В подтверждение приведу шепиловский пассаж о его военных годах. Дмитрий Трофимович ушел на фронт добровольцем, воевал рядовым пехотинцем. За это ему честь и хвала. Но чего стоит одна только история о том, как в декабре 1941 года командующий Западным фронтом генерал Жуков советовался с попавшимся ему на пути красноармейцем Шепиловым. Своей «эпичностью» она превосходит даже «Малую землю» Леонида Брежнева. А военные эпизоды описывающие, как Шепилов, замполит корпуса, а потом армии, брал Вену, и не одну только Вену! Отец, прослужив всю войну первым членом Военного совета фронта, никогда не при-

писывал себе побед ни в Сталинграде, ни на Курской дуге. Он справедливо не считал себя ни военачальником, ни вообще военным, хотя и подписывал все приказы наравне с командующим фронтом и отвечал тоже наравне с ним за все неудачи. Раскройте мемуары отца, там проведена четкая грань между ним – политработником и генералами-командирами. Сталинград обороняли Еременко с Чуйковым, а Хрущев, в меру своих сил, помогал им. И Киев брал не Хрущев, а Ватутин с Москаленко.

Я написал все это в пояснение, почему в реконструкции событий мая – июня 1957 года я использую все доступные мне источники информации, кроме воспоминаний Шепилова, на мой взгляд, недостоверных.